

На правах рукописи

Ефимова Татьяна Викторовна

**«Петербургский текст» как ресурс формирования
городской ментальности**

Специальность 24 00 01
«Теория и история культуры»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Санкт-Петербург
2007

Работа выполнена на кафедре социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета профсоюзов

Научный руководитель - доктор педагогических наук, доктор культурологии,
профессор Марков Александр Петрович

Официальные оппоненты доктор философских наук,
профессор Юрий Матвеевич Шор
кандидат философских наук,
профессор Георгий Александрович Праздников

Ведущая организация - Санкт-Петербургский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится 16 мая 2007 г в 15 00 часов на заседании Диссертационного
Совета № Д 602 004 01 по присуждению ученой степени доктора наук при
Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов по адресу.
192238, Санкт-Петербург, ул Фучика, д 15

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского Гу-
манитарного университета профсоюзов по адресу. 192238, Санкт-Петербург,
ул Фучика, д 15 СПбГУП

Автореферат разослан 13 апреля 2007 г.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета
кандидат культурологии

Г В Брындина

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, современным пониманием гуманитарной культуры как своеобразной «духовной матрицы», обеспечивающей самоидентичность и целостность социума, способствующей общественному согласию и консолидации человеческих сообществ. Во-вторых, обращение к данной теме связано с переживаемым российским обществом системным кризисом идентичности, который обусловлен ценностно-нормативной аномией, а также отсутствием общенациональной идеологии, способной консолидировать социум в границах единого духовного пространства. Утрата духовно-нравственных идеалов провоцирует дальнейший кризис национально-культурной идентичности, затрудняет конструктивное самоопределение России в мировом культурном процессе, обрекая ее на выбор аутсайдерской позиции, с доминирующим стилем жизни, копирующим образцы западной культуры.

Одной из базовых причин духовного кризиса является разрушение глубинного ментального ядра национальной культуры, концентрирующего ценностно-нормативную специфику национального самосознания и удерживающего специфическое мировоззрение и мировидение народа. В культурологической плоскости кризис идентичности в значительной степени вызван невостребованностью духовно-нравственных ресурсов гуманитарной культуры.

Значительным ресурсом воссоздания ментальной преемственности, в том числе и на региональном уровне, обладают тексты культуры, и, прежде всего, художественные тексты, которые в семиологической трактовке являются коллективной памятью народа, фиксирующей его традиции, быт и нравы, специфику мировоззрения и мировидения. Тексты культуры удерживают ментальность как специфическое мировосприятие, определяющее отношение и поведение определенного сообщества людей применительно к фундаментальным ипостасям их бытия – жизни и смерти, здоровья и болезни, труда и потребления, природы, детства и старости, семьи и государства, прошлого, настоящего и будущего.

Особую остроту данная проблема приобретает на региональном уровне – в связи с тем, что традиционно в России территориально-географический фактор играл значительную роль в формировании ментальности и консолидации социума. Это тем более актуально для Санкт-Петербурга, который является «Царь градом» - идеальным искусственным городом, созданным для реализации рационалистических планов государства (Ю. М. Лотман). Санкт-Петербург, который исторически был символом новой России – могущественной, непобедимой, просветленной, в последние годы в значительной степени утратил свой идентификационный образ города высокой культуры и духовности.

Специфика культуры Петербурга, особый ментальный тип его горожан наиболее ярко проявляются в текстах русской литературы, составляющих единое проблемно-тематическое, мировоззренческое и эстетическое целое «Петербургский текст» (В. Н. Топоров), обладая всепроникаю-

шими метафизическими свойствами, отобразил и в определенной степени сотворил такое явление как петербургская ментальность, т е типичный для живущих в пространстве Петербурга образ мыслей, душевный склад, совокупность социально-психологических стереотипов сознания т е способов видения мира Петербургский текст есть не просто усиливающий эффект «зеркала города» но особая духовная энергия, творящая реальность по законам искусства и жизни В этой связи особую теоретическую и практическую значимость получает проблема исследования ценностно-формирующих ресурсов «петербургского текста» и определения условий их востребованности в современной ситуации

Таким образом, *актуальность* данного диссертационного исследования определяется противоречием между теоретической значимостью философско-культурологического анализа ресурсов «петербургского текста» как модели видения мира и средства формирования петербургской ментальности с одной стороны, и реальной разработанностью данной проблемы в современном культурологическом знании - с другой

Понимание актуальности данной проблемы позволило обозначить *цель исследования* – выявить ценностно-формирующий потенциал «петербургского текста» и обосновать принципы и условия его реализации в процессе формирования петербургской ментальности

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать философско-культурологические концепции и подходы к пониманию текста культуры.
2. Обосновать ценностно-формирующую сущность и структуру «петербургского текста» как феномена гуманитарной культуры
3. Раскрыть специфику и сущность культурологического подхода к формированию ментальности
4. Обозначить лингвокультурологический подход к литературному произведению как важнейшему составляющему текста культуры
5. Охарактеризовать антропологический образ города как субъекта культуры
6. Определить ресурсы и механизмы влияния «петербургского текста» русской литературы на формирование городской ментальности
7. Обосновать проектную функцию текста культуры в формировании петербургской ментальности

Объект исследования: ценностно-нормативные ресурсы «петербургского текста» культуры

Предмет исследования: условия реализации потенциала «петербургского текста» как средства формирования городской ментальности

Предварительное изучение проблемы позволило сформулировать *гипотезу исследования*, которая представляет совокупность следующих предположений

1. Культуру города в ее персонифицированном варианте можно представить в форме текста как целостной в семантическом, образном и смысловом отношении системы, отражающей культурную самобытность

народа на ценностно-нормативном уровне, фиксирующей и объективирующей в персонифицированном варианте сущностные черты национально-культурной ментальности

2 Текст как сложный объект, содержащий потенциально большой объем смыслов и символов, способен оказывать существенное формирующее воздействие на воспринимающий субъект

3 Реализация ценностно-нормативного потенциала «петербургского текста» в формировании петербургской ментальности предполагает фиксацию исторически устойчивых ценностных доминант, составляющих ценностно-нормативное ядро петербургской городской ментальности, выявление «психокультурного кода» текста, обеспечивающего хранение и воспроизводство духовно-нравственных и социально-культурных основ жизнедеятельности, актуализацию референтных личностей, персонифицирующих ценностно-нормативное ядро петербургской ментальности

Степень научной разработанности проблемы: Проблемы понимания текста рассматривались в рамках культурологических, филологических, семиотических исследований Текст представляет собой феномен культуры, обладающий многомерными связями с другими явлениями культуры и, прежде всего, с другими текстами (Ю М Лотман, Р Барт, Ю Кристева, М М Бахтин) В работах представителей структурализма и постструктурализма, культура рассматривается как текст, обладающий строением, подобным строению языка, (Ж Деррида) обосновывается возможность восприятия мира как текста (Р Барт) Существенные результаты достигнуты в использовании структурного анализа художественных текстов Значительный интерес представляют концепции западных мыслителей начала XX века, сформировавшиеся на проблемном поле коммуникации, разработанном Л Фейербахом – феноменологическое понимание (Х Гуссерль, М Мамардашвили), культурологическое (М С Каган, В Н Топоров, Ю М Шор), семиотическое (А.Аверинцев, М Бахтин, Ю М Лотман), социально-культурное (А В Соколов) Особое значение в контексте рассматриваемых в диссертации проблем, имеют работы, в которых обоснован феномен города, как носителя культурных смыслов (Ю.М Лотман, В Н Топоров, Ю М Шор, М С Каган, С Н Иконникова, Т.Е Шехтер, А П Марков)

Проблематика современных исследований включает анализ форм функционирования художественного произведения, моделей самоопределения смысла бытия как текста (И Семакина), креативной роли принципа симметрии-антисимметрии в художественном тексте (А Малышев), механизмы смыслового восприятия текста в рамках триады «автор – текст – читатель», психолингвистических закономерностей адекватного понимания художественного текста и условий его эффективного воздействия на реципиентов (Е Чижова) Исследованием ментальности занимались М М Бахтин, А Я Гуревич, А С Запесоцкий, А П Марков Семиотическая школа представлена (Ч С Пирсом, Ф де Соссюром). Особый интерес представляют исследования, посвященные литературным составляющим «Пе-

тербургского текста» как носителя особой городской культуры, а также выявлению влияния текста культуры на духовную жизнь города (Н П Анциферов, Ю М Лотман, В Н Топоров)

Методологической основой исследования составили научные идеи о целостном восприятии текста культуры как формы отражения, сохранения и средства формирования специфических черт ментальности, содержащиеся в работах отечественных ученых в области семиотики, литературоведения, философии, социологии, культурологии. Автор опирался на методологию научного исследования и категориальный аппарат, выработанный в рамках философского и культурологического знания. Теоретической основой работы стали семиотическая традиция, представленная в трудах структуралистов Р.Барта, К. Леви-Строса, Ж. Деррида, в рамках которой была обоснована концепция понимания текста как коммуникативной системы, предназначенной для переноса закодированной информации в культурном пространстве. В определении теоретических взглядов автора существенную роль сыграл методологический потенциал теоретического наследия В. Топорова, представления Ю. Лотмана о знаковом характере механизмов восприятия текста, работы культурологов и историков А. Гревса и Н. Анциферова, Д. Лихачева, Д. Андреева, В. Ванчугова, Д. Спивака, исследования в области философии культуры А. Флиера, М. Кагана, С. Иконниковой, А. С. Запесоцкого, А. П. Маркова. Методология исследования выстраивается на антропоцентрическом измерении текста культуры как формы отражения и выражения человеческой экзистенции, актуализация смыслов которой осуществляется в процессе коммуникации, на трактовке понимания как сложного диалогического взаимодействия субъективного и объективного, текста и контекста, осуществляемого в форме рефлексии, которая в субъективном пространстве коммуникации выполняет функцию интерпретации, порождая, в конечном счете, феномен понимания как совокупность субъективных и объективных смыслов текста. Культурологическая концепция понимания текста опирается на трактовку процесса производства и актуализации культурных смыслов, в которых базовым механизмом выступает сознание как деятельность. Производством и актуализация смыслов текста осуществляется в процессе мыследеятельности, обеспечивается в дискурсе, опредмечивается через структурную и содержательную организацию языка.

Организация и методика исследования: исследование осуществлялось на протяжении четырех лет и в своем развитии прошло три этапа.

На первом этапе (2002–2003 гг.), осуществлялось предварительное изучение проблемы и степени ее разработанности. Это позволило сформулировать цель и задачи исследования, наметить гипотезу, уточнить методологический формат.

На втором этапе (2003–2004 гг.) разрабатывалась теоретическая база исследования, анализировались труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблеме формирования ментальности, как совокупности мировоззренческих постулатов, стереотипов общественного соз-

нения, характеризующих некую социальную группу, пользующуюся этими ценностями, закодированными в культурном пространстве. Осуществлялась апробация предварительных результатов.

На третьем этапе (2004–2006 гг.) уточнялись итоговые выводы и положения, сопоставлялись цели, задачи, гипотезы с его результатами.

На защиту выносятся

1 Трактовка «текста культуры» как целостной в семантическом, образном и смысловом отношении системы, отражающей самобытность и уникальность культуры на ее ценностно-нормативном уровне, фиксирующей и объективирующей в персонифицированном варианте сущностные черты национально-культурной ментальности. Текст культуры отражает самобытность коллективного субъекта, фиксирует духовный опыт народа, содержит слои несемантической системы, т.е. тексты других культур, вплетенных в общую ткань исследуемой культуры. Актуализируясь в новой культурной ситуации в форме индивидуального построения картины мира и человека, смысловые глубины текста определяют и удерживают исторически устойчивое ментальное пространство коллективного бытия. Ментальное ядро текста предстает в виде персонифицированных образов, фиксирующих определенную систему доступных и легитимных смыслов и выполняющих проектную функцию по отношению к определенному обществу. В ситуации ценностно-нормативного и ментального кризиса общества, обращение к текстам культуры способствует адекватной рефлексии наиболее сущностных мировоззренческих доминант городской культуры, духовному самоопределению и обретению городской идентичности.

2 Определение ментальности как интегрирующей характеристики коллективного субъекта культуры, фиксирующей, во-первых, ценностно-нормативную самоидентификацию сообщества, во-вторых, модели восприятия человека и мира, детерминируемые особенностями национальной психологии. Ментальность формируется средой обитания человека, социальными условиями его жизни, базовыми ценностями национальной культуры, по отношению к которым она является их носителем, источником и причиной.

3 Обоснование петербургской ментальности как специфического социально-культурного феномена, онтология которого образуется и проявляется в пространстве интеграции реального бытия и художественного вымысла. В жизнедеятельности коллективного субъекта ментальность обнаруживает себя как совокупность исторически устойчивых культурных смыслов, духовно-нравственных идеалов, этнокультурных навыков и поведенческих стереотипов. В виртуальном пространстве текста ментальность персонифицирована системой образов (авторов и героев), воплощающих интегральную психокультурную и ценностно-нормативную модель субъекта культуры.

Ядро и специфику петербургской ментальности в «петербургском тексте русской литературы» определяют несколько линий напряжения

а) метафизически насыщенное культурное и ландшафтное пространство Петербурга - города искусственно созданного и потому не имеющего глубоких исторических и «почвенных» корней Город, в прямом смысле лишенный твердой почвы в своем основании и постоянно борющийся с природной водной стихией за свое существование, стал олицетворением особой ментальности, специфического мировосприятия и хранителя типа культуры, возвышенных духовных и нравственных ценностей, не случайно его история овеяна мифами различного происхождения и смысла,

б) доминирование образа смерти в художественных произведениях, которая кладется в основу жизни; смерти как искупления, ради достижения более высокого уровня духовности,

в) особая духовность петербургской культуры. персонифицированные образы петербургской ментальности, воплощенные в петербургском тексте, являют собой беспрецедентный тип духовной напряженности человеческого бытия,

г) преобладание и особая значимость женских символов и образов, истоки которых - в православном этическом идеале и коллективной памяти народа Их персонификации в «петербургском тексте» воплощают высший духовный подвиг, состоящий в способности самоотречения во имя другого (жизненный подвиг Ксении Петербургской, - женщины, добровольно избравшей подвиг юродства во имя любви и ради спасения души; образ Сонечки Мармеладовой и др)

4 *Характеристика петербургского текста как культуротворческого ресурса общенационального масштаба*, формирующее влияние которого осуществляется через персонифицированный образ Санкт-Петербурга в культурном пространстве России и мира – города, породившего петербургский текст и в то же время ставшего его порождением, города как живой психо- и биокультурной системы, совокупности духовных энергий, воплощающихся в различных сферах жизнедеятельности человека и городского сообщества Город, как носитель ментальности и субъект культуры, выполняет функциюдемиурга собственной истории, формирует определенные культурные смыслы и воспроизводит ментальные линии, воплощающиеся в литературных текстах и воздействующих на все пространство отечественной культуры

5 *Условия реализации ценностно-нормативного потенциала «петербургского текста» в формировании петербургской ментальности*, предполагающие а) фиксацию исторически устойчивых ценностных доминант, составляющих ценностно-нормативное ядро петербургской городской ментальности, б) выявление основополагающих характеристик «петербургского текста», и прежде всего его ценностно-формирующего ресурса, который представляет собой «культурный код», обеспечивающий хранение и воспроизводство пространственно ограниченных духовно-нравственных и социально-культурных основ жизнедеятельности, в) разработку социально-культурных форм актуализации и объективации антропологического типа, включая его морально-нравственные приоритеты бы-

тия, зафиксированные в структуре совокупного «героя» петербургского текста, через отождествление с которым происходит трансляция системы ценностей, традиций, мировоззрения, культуры повседневности, г) актуализацию в самосознании городской интеллигенции референтных личностей, персонифицирующих ценностно-нормативное ядро петербургской ментальности и способных стать для горожан образцом самостроительства и самоосуществления

Научная новизна исследования обусловлена комплексным и многоаспектным анализом культурологических проблем формирования петербургской ментальности, что позволило а) обосновать феномен «петербургского текста» как целостную в семантическом, и образном отношении систему, отражающую самобытность и уникальность культуры в ее ценностно-нормативной ипостаси, сохраняющую и объективирующую существенные черты национально-культурной ментальности; б) охарактеризовать креативный потенциал текста культуры и обосновать его специфику и характер воздействия на процесс формирования петербургской ментальности, в) выявить природу петербургской ментальности как социально-культурного феномена, образующегося в зоне пересечения бытия реального и идеального – с одной стороны, как совокупности исторически устойчивых и проявляющихся в практической плоскости культурных смыслов, духовно-нравственных идеалов, этнокультурных навыков и стереотипов, с другой - как феномена виртуального пространства, г) охарактеризовать специфику петербургской ментальности в «петербургском тексте русской литературы», которая определяется метафизической характеристикой культурного и ландшафтного пространства Петербурга как города искусственного, мифического, не имеющего исторических, почвенных корней, доминированием образа смерти как искупления и способа нравственного возвышения, напряженной духовностью петербургской культуры, особой значимостью женских символов и образов, истоки которых в православном этическом идеале и коллективной памяти народа, д) обосновать петербургский текст как культуротворческий ресурс общенационального масштаба, формирующее влияние которого осуществляется через персонифицированный образ Санкт-Петербурга в культурном пространстве России и мира, е) исследовать диалектику взаимовлияния города, текста и ментальности, в процессе которого рождающийся петербургский текст одновременно становится фактором, творящим образ города и ментальную специфику его сограждан. Целостный философско-культурологический анализ текста культуры позволит выявлять и воспроизводить духовно-нравственные идеалы и традиции городской культуры, а также моделировать условия, способствующие трансляции этих ценностей в актуальное поле культурного самосознания

Практическая значимость результатов исследования Разработанная автором концепция анализа текста культуры позволяет выявлять его проектные ресурсы и разрабатывать условия, модифицирующие смысловое поле культурной жизни города. Результаты исследования имеют

прикладное значение в процессе совершенствования образовательной деятельности при изучении дисциплин социально-гуманитарного цикла на философских и культурологических специальностях Разработанная и реализованная методология и методика исследования расширяет границы культурологической проблематики и спектр методов и подходов к познанию феномена «Петербургского текста» культуры Основные выводы и результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов по истории города, краеведению, культурологии

Апробация и внедрение результатов исследования в практику проводились по ряду направлений, включающих а) публикации материалов исследования в научных изданиях (в общей сложности опубликованы семь работ общим объемом 2 п л) Выступления на научных конференциях («Реклама и PR в России современное состояние и перспективы развития» СПб, 2005, 2006, «Современное состояние и перспективы развития туризма» СПб, 2006, «Туризм как явление культуры» СПб, 2007), в) преподавательскую деятельность в СПбГУП; г) разработку учебных программ по дисциплинам «Краеведение» и «Социально-культурная работа за рубежом», *Структура и объем диссертации* Диссертация включает введение, две главы (1. «Текст культуры как объект философско-культурологического анализа», 2 «Городская ментальность как результат ценностно-формирующей функции «Петербургского текста»»). Заключение, библиографию (260 источников)

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, выявляется степень научной разработанности проблемы, формулируются цель и задачи, обосновываются объект и предмет научного анализа, характеризуется методология и методика исследования, формулируется гипотеза, описываются его основные этапы

В первой главе «Текст культуры как объект философско-культурологического анализа» рассматривается феномен «текста культуры» как ценностно-формирующего ресурса, в рамках культурологического анализа определяются основные трактовки текста художественного произведения как одного из составляющих текста культуры

Текст характеризуется как связанная последовательность знаков, фиксирующая определенный объем смысла Проблема текста, возникая на пересечении лингвистики, поэтики, литературоведения, семиотики, начинает активно обсуждаться в гуманитарном познании второй половины 20 в В рамках структуристско-семиотической традиции (Р Барт) текст есть род удовольствия, а чтение – нечто вроде прогулки или даже сексуального удовлетворения (при этом разделяется «текст-наслаждение» и «текст-удовольствие»). Восприятие текста определяется уровнем читателя и его подготовленностью к прочтению и интерпретации основных кодов, сплетенных в ткани текста – кода Эмпирии, кода Личности, кода Знания, кода Истины и кода Символа При восприятии текста необходимо учитывать коннотативные знаки и идиолектно-личностные аллюзии. Иначе говоря,

текст вплетается в общую ткань культуры, он раскрывает свои глубины в момент его восприятия, его источники обнаруживают себя после факта его создания

В литературоведческом и культурологическом контексте термин «текст» употребляется в особом смысле - как «связная совокупность концептов и идей, относящихся к некоторой сфере» По выражению Ж Деррида, трактующего мир как текст и единственно возможную модель реальности, это понятие можно отнести и к культуре, так как именно она является высшим творением человеческого духа Вместе с тем культура является средством коммуникации, осуществляемой с помощью языка как определенным образом упорядоченной системы знаков Знак – это любое материальное выражение значения, которое может служить передачей смысла, следовательно, текст (как «плетение», «ткань») – это память, в атмосферу которой независимо от своей воли погружен его творец, который всегда находится в окружении чужих дискурсов, впитывает их в себя либо сознательно, либо бессознательно (в первом случае мы имеем дело с «цитатой», во втором – с «цитацией», и потому по самой своей природе любой текст одновременно является и произведением, и ингертекстом) Речь, таким образом, идет о проблеме “чужого слова” (“памяти жанра” и т п), впервые с теоретической широтой поставленной ММ Бахтиным и, как уже упоминалось, перенесенной на почву французского постструктурализма (как одного из направлений постмодернизма) Для того, чтобы стало более понятным определение текста культуры, нужно подвергнуть анализу эпоху создания подобной концепции видения мира Модернизм и постмодернизм общее понятия, охватывающие течения искусства и литературы первых десятилетий 20 в, резко порывающие с классическими традициями художественного творчества, представляют собой скорее умонастроение, интеллектуальный стиль Как тип ментальности постмодернизм – это гиперрефлексия, возникшая в условиях религиозно-философского вакуума, дискредитации идеологических концептов, тотального релятивизма, перепроизводства предметов сиюминутного потребления. Как творческая установка постмодернизм являет максимум интеллектуально-игрового, эвристического, рефлексивного, деструктивного и минимум смыслообразующего, этического, эстетического, конструктивного Из многочисленных работ, посвященных художественной культуре второй половины 20 в, следует, что постмодернизм – это продуцирование вневременных текстов, в которых некто (не обязательно автор) играет в ни к чему не обязывающие и ничего не значащие игры, используя принадлежащие другим коды Соответственно постмодернизм не относится к области философии или истории, не связан с идеологией, не ищет и не утверждает никаких истин Постмодернизм расценивается как реакция на модернистский культ нового, а также как элитная реакция на массовую культуру, как полицентричное состояние этико-эстетической парадигмы Постмодернизм

также рассматривают как реакцию на тотальную коммерциализацию культуры, как противостояние официальной культуре

Из рассуждений Бодрийара о гиперреальности в работе этического можно сделать вывод, что суть постмодернизма – кокетство «Имманентная сила соблазна, – пишет он, – все и вся отторгнуть, отклонить от истины и вернуть в игру, чистую игру видимостей» Сила образа – это секрет, который в действительности лишен того, что могло бы быть раскрыто, – какого-либо смысла и содержания Соблазн такого искусства – в намеках на якобы существующую здесь тайну Образ хаотического сверхсложного мира – отправной момент современной художественной культуры, постмодернизм – изображение мира, о котором нет знания

Современное искусство объективно свидетельствует о том, что сложившаяся система представлений больше не видит в художнике творца высших ценностей Девальвация духовной культуры, очевидно, связана с утверждением иных ценностей Относительное изобилие и неограниченные свободы, которыми обеспечило себя общество потребления, показывают, чего в действительности желает человек, освобожденный из «плена грубой практической потребности» (К Маркс) Идеальное не выдерживает испытания комфортом, «душа» проигрывает сексу, «вечное» – сиюминутному Соответственно, творчество утрачивает свое первородство и становится «художественным производством», которое усиливает развлекательную, игровую функции

Знание возможностей различных подходов и граней концептуализации текста культуры позволяет осуществить анализ важнейшей составляющей текста культуры – художественного произведения Структурализм стал оплотом “новой критики” – широкого литературоведческого движения, объединившего в 60–е гг. представителей столь разных направлений, каковыми являлись “фрейдистская психокритика” (Ш. Морон), феноменология (С Дубровский), «тематическая критика» (Ж. Пуле, Ж.–П Ришар, Ж.–П Вебер, Ж Старобинский), сложившаяся под влиянием Г. Башляра, «генетический структурализм» Л Гольдмана и его школы и др Структуралистский подход к трактовке художественного произведения и личности творца стал очень популярным в середине 20 века, в основе этого подхода лежит восприятие художественного произведения как текста, содержащего социальную память и состоящего из сплетения различных текстов культур В качестве метода исследования применялся «текстовый анализ» – метод, давно ставший достоянием литературной критики и литературоведения В самом деле, любой исследователь, не удовлетворяющийся явным значением произведения, пытающийся заглянуть за его авансцену, открывающий в романе или в поэме различные «реминисценции», литературные и внелитературные «заимствования», «влияния», всевозможные, подчас неожиданные «источники», «скрытые цитаты» и т п, выходит на уровень «текста», ибо его взору открываются те многочисленные переходы, которые связывают «авансцену» со «второй сценой», в его руках оказываются нити,

ведущие не к авторской интенции, а к контексту культуры, в которую вплетен данный текст

Однако изучение «источников» и «влияний» покрывает лишь ту – весьма незначительную – часть текста, где сам автор еще не вполне утратил сознательную связь с культурным контекстом, между тем как на деле всякий текст сплетен из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдает себе ни малейшего отчета, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно. Культурный «код», по Р Барту, «это перспектива множества цитаций, мираж, сотканный из множества структур, единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное как отголоски чего-то, что уже было читано, видно, сделано, пережито код является следом этого «уже». Отсылая к уже написанному, иными словами, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой Книги». Сотканный из множества равноправных кодов, словно из нитей, текст в свою очередь сам оказывается вплетен в бесконечную ткань культуры, он является ее «памятью», причем «помнит» не только культуру прошлого и настоящего, но и культуру будущего. «В явление, которое принято называть интертекстуальностью, следует включить тексты, возникающие позже, произведения источники текста существуют не только до текста, но и после него»

Итак, текст, по Р Барту, это не устойчивый «знак», а условия его рождения, это питательная среда, в которую погружено произведение, это пространство, не поддающееся ни классификации, ни стратификации, не знающее нарративной структуры, пространство без центра и без дна, без конца и без начала – пространство со множеством входов и выходов (ни один из которых не является «главным»), где встречаются для свободной «игры» гетерогенные культурные коды. Текст это интертекст, «галактика означающих», а произведение – «эффект текста», зримый результат «текстовой работы», происходящей на «второй сцене», шлейф, тянущийся за текстом. Переплетение и взаимообратимое движение «кодов» в тексте Р Барт обозначил термином письмо, а акт погружения в текст – письмо – термином чтение. Важнейшая для Р Барта мысль состоит в том, что процедура «чтения», которой требует «текст», должна существенным образом отличаться от критической «интерпретации», которую предполагает «произведение»

Удовольствие от «произведения» и удовольствие от «текста» – это разные вещи. Позволяя произведению «увлечь» себя (умело построенным сюжетом, экономно и выразительно обрисованными «характерами» и т. п.), «переживая» за судьбу его персонажей, подчиняясь его выверенной организации, мы – совершенно бессознательно – усваиваем и всю его топику, а вместе с ней и тот «порядок культуры», манифестацией которого является это произведение. Вместе с наживкой захватывающей интриги мы заглатываем крючок культурных стереотипов, вобранных, сфокусированных и излучаемых на читателя романом, стихотворением, пьесой. С известной точ-

ки зрения, произведение есть не что иное как особо эффективный (ибо он обладает повышенной суггестивной силой) механизм для внушения подобных стереотипов, закодированных на языке определенной культуры и нужных этой культуре в целях регулирования поведения своих подопечных. Произведение в данном отношении выполняет принудительную функцию.

Что касается удовольствия от «текста», то, по Р Барту, оно возникает прежде всего в результате преодоления отчуждающей власти «произведения». Основанный на принципе «различения» и «тмесиса», весь состоя из разнообразных «перебивов», «разрывов» и «сдвигов», сталкивая между собой гетерогенные социолекты, коды, жанры, стили и т.п., текст «дезорганизует» произведение, разрушает его внутренние границы и рубрикации, опровергает его «логику», произвольно «перераспределяет» его язык.

Текст и есть та самая утопия (в этимологическом смысле слова), «островок спасения», «райский сад слов», где законы силы, господства и подчинения оказываются недействительными, где со смехом воспринимаются претензии любого культурного топоса на привилегии и где есть только одна власть – власть полилога, который ведут между собой равноправные культурные «голоса».

Культура в данном контексте, представляя сложное, многократное переплетение множества разнородных кодов, дискурсов и голосов, может быть определена как текст, обладающий ценностно-формирующей функцией. Как сложная система текст культуры имеет возможность не только хранить информацию, но и передавать ее, создавать новую. Таким образом, текст определенной культуры, обладающий определенными отличительными особенностями, может хранить и воспроизводить информацию вне зависимости от ее первоначального объема, т.е. он практически не имеет информационных границ. Но, имея какое-то отличающееся от других культур идеологически-информационное ядро, способен к сотворению духовных ценностей и идеалов, присущих той или иной культуре.

Одним из важнейших результатов ценностно-формирующей функции текста культуры выступает ментальность, а в рамках данного исследования – «петербургская ментальность». Данный психокультурный феномен определяется как интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него, как присвоенные конкретным индивидом специфические для данной культуры способы восприятия и особенности образа мыслей, выражающиеся в специфических для данной общности формах поведения и видах деятельности, как совокупность представлений, воззрений, чувствований общности людей определенной эпохи, географической области и социальной среды (И.Г. Дубов), особый психологический уклад, влияющий на исторические и социальные процессы, характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни людей, детерми-

нированная экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте Так, В Н Топоров, анализируя петербургские произведения Н В Гоголя, Ф М Достоевского, А А Блока и др., выявлял в них некий общий «петербургский текст» – некоторое единое содержание, не обязательно выражаемое одинаково, но ощущаемое читателем как часть определенного идейного комплекса и воспринимаемое по образцу восприятия текста, прочитывающегося за всей совокупностью принадлежащих этим авторам текстов в собственном смысле До определенной степени такое понимание коррелирует также с восходящей к И Канту метафоре «мир это текст», следствием которой является представление о познании как чтении некоторой «книги природы»

Во второй главе «Городская ментальность как результат ценностно-формирующей функции Петербургского текста» раскрывается сущностная характеристика ментальности как таковой; прослеживается генезис термина, обосновывается феномен петербургской ментальности, раскрывается феномен «Петербургского текста русской литературы» (В Топоров), исследуются причины

Различные уровни и грани ментальности (менталитета) в контексте данного исследования изучались на основе методов позволивших рассмотреть ее как результат пероявления ценностно-формирующей функции текста культуры Существуют различные подходы к определению сущности ментальности, которая рассматривается как «совокупность представлений, способов поведения и реакций, которые, скорее всего, бессознательны и неотрелексированы» (Г Теленбах), «духовно-психологический облик общества» (С Э Крапивенский), «групповые представления и способы поведения» (Р Шприндель), «совокупность манер поведения, мышления, суждения о чем-либо, моральные установки, склад мышления» (Большая Энциклопедия Ларусса), «общее выражение прочно устоявшихся способов поведения и восприятия отдельных людей внутри групп» (Ф Граус) Психологическая трактовка данного феномена позволяет рассмотреть ментальность как характерную для конкретной культуры (субкультуры) специфику психической жизни представляющих данную культуру (субкультуру) людей, детерминированную экономическими и политическими условиями жизни в историческом аспекте (И Г Дубов) Эти определения достаточно четко схватывают сущность феномена, при этом в некоторых из них выделяются отдельные психологические аспекты, в частности, акцентируются бессознательные уровни психики

Ментальность в сущностных своих чертах остается непрорефлектированным и логически не выявленным феноменом (А Гуревич) Это тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отчленена от эмоций, от латентных привычек и приемов сознания, – люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, не вдумываясь в их существо и предпосылки, в их логическую обоснованность В.Г.Нестеренко предлагает терминологически разделить ментальность и менталитет Ментальность означает

определенную совокупность устоявшихся неосознанных форм мировосприятия, присущих какой-либо группе людей, которые определяют общие черты отношения и поведения этих людей применительно к феноменам их бытия – жизни и смерти, здоровья и болезни, труда и потребления, природы, детства и старости, семьи и государства, прошлого и будущего. Менталитет – это свойственная определенной группе людей система неосознанных регуляторов жизни и поведения, непосредственно вытекающая из соответствующей ментальности и, в свою очередь, поддерживающей эту ментальность. В то же время ментальность предстает перед нами как уже готовый продукт, как результат, как итог скрытых процессов. Отвечая на вопрос «что?», понятие ментальности в данной трактовке не только не отвечает на вопрос «почему?», но и вообще не ставит его. Иными словами, ментальность изучается в статике, вне процесса развития, в то время как она должна быть сама выведена из объективных условий. Ведь, в конечном счете, различия мировосприятия у представителей различных этносов обусловлены длительным совместным существованием людей в схожих природно-географических и социокультурных условиях.

Генетические определения сосредотачивают внимание на происхождении самого феномена ментальности, на процессе зарождения и дальнейшего становления этнической ментальности, отмечают, что природные и социальные факторы находят закрепление в генотипической информации, передаются по наследству, обеспечивая тем самым, ментальную преемственность. Менталитет определяется как родовая память, которая основывается на синтезе природной и социальной программ наследования (В. П. Бех).

В контексте исторического анализа акцент делается на определении ментальности как процесса «исторической памяти», как «осадка истории». В этом контексте ментальность – это «выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, некое единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах (И. К. Пантин). Это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключающая катастрофические».

Обобщая приведенные определения, ментальность можно определить как интегрирующую характеристику коллективного субъекта культуры, фиксирующую, во-первых, ценностно-нормативную самоидентификацию сообщества; во-вторых, модели восприятия человека и мира, детерминируемые особенностями национальной психологии. Ментальность формируется средой обитания человека, социальными условиями его жизни, базовыми ценностями национальной культуры, по отношению к которым она является их носителем, источником и причиной.

Своей спецификой петербургская ментальность во многом обязана городу – особому и значительному явлению в истории культуры, возник-

новение которого рассматривают обычно как один из признаков перехода от варварства к цивилизации, поэтому с ним связаны все прогрессивные процессы в развитии культуры. Вместе с тем прогресс этот имел и свою оборотную сторону - такова диалектика взаимоотношения культуры и цивилизации «Город — символ изоляции человека от природы и одновременно его творческой активности. Стены оторвали человека от мира, но дали ему возможность по-новому взглянуть на этот мир» (А. Мень). Потому город — «проклятие истории, и он же и ее благословение», ибо «городской муравейник подавил человека», но «в городе же раскрылось внутреннее богатство его духа. Сократ и Апостол Павел, Шекспир и Достоевский - дети города» (М. С. Каган).

В рамках данного диссертационного исследования автор рассматривает Петербург и петербургский тип культуры, с присущей ей ментальностью как уникальный феномен отечественной истории. Петербург, зародившийся в эпоху великих потрясений всей народной жизни, глубоко поразило воображение народа. Новая столица актуализировала ряд вопросов в чем заключается связь между Петербургом и Россией, какова будет судьба созданного, как будто наперекор стихиям, города? Личность «строителя чудотворного» тесно связалась в воображении со своим созданием - необыкновенный город казался многим каким-то наваждением, призраком. Все эти мотивы вызвали в русской литературе ряд примечательных откликов и наполнили содержание образа Петербурга, передававшееся от поколения к поколению, где наметили особый тип ментальности - петербургский. В ее глубинах скрыты психологические энергии, формируемые особым типом культуры города, его осознаваемым предназначением и миссией, которые, по сути дела, так до конца и не осмыслены национальным самосознанием.

Зарождение и развитие текста культуры как носителя определенных «кодов» связано с рождением самого города, который возник в эпоху зарождающегося империализма, в эпоху, когда мощный народ разрывает традиционные пути замкнутого национального бытия и выходит на всемирно-историческую арену. Оторванность новой столицы от истоков национального бытия (о чем свидетельствует и сама природа, столь отличающаяся от природы Русской земли), чуждое племя, ютящееся в окрестностях города, - все это говорит о трагической судьбе народа, который должен либо стать «навозом» для удобрения культур своих счастливых соседей, либо победить, встав на путь завоевательной политики. И само существование столицы на покоренной земле говорит о торжестве ее народа в борьбе за свое исторически осмысленное бытие, о предназначенности города увенчать великую империю и стать Северной Пальмирой. Столица на отвоеванной земле указывает и на возможность бурного разрыва с прошлым, свидетельствует о революционности своего происхождения, об обновлении старого быта, ибо неизбежен здесь обильный приток свежего, порой животворящего, а порой и мертвящего, ветра из краев далеких Об-

щий вид города говорит и о трудности его рождения, о поте и крови, затраченных на то, чтобы вызвать его к жизни, и вместе с тем о деспотическом характере создавшего его государства, о рабстве народа, покорно отдавшего свою жизнь на закладку города, к которому он питал враждебное чувство. История язычества знает о человеческих жертвоприношениях при закладке города, и до сих пор археологи находят кости человеческих жертв под стенами древних городов. Туманы и болота, из которых возник город, свидетельствуют о той гигантской работе, которую нужно было произвести, чтобы создать здесь, на зыбкой почве, словно сотканной из туманов, этот «Парадиз». Здесь все повествует о великой борьбе с природой, здесь все «наперекор стихиям». В природе ничего устойчивого, ясно очерченного, гордого, указывающего на небо, и все снизилось и словно ждет смиренно, что воды зальют печальный край.

Эти психодраматические аспекты судьбы города нашли отражение в художественной литературе, которая чрезвычайно богата этим отраженным опытом. И эта тенденция не случайна, в ней нет творческого произвола индивидуальности художника - за всеми этими впечатлениями чувствуется определенная последовательность, закономерность. Создается незыблемое впечатление, что душа города имеет свою судьбу, и писатели, каждый в свое время, отмечали определенные моменты истории развития души города. Трагический империализм Петербурга, его оторванность от ядра русского народа не сделали его безликим, бездушным, общеевропейским городом, каким-то переходным местом в пространственном отношении (из России на Запад, «окно в Европу») и во временном (от Московии к Великой Российской империи). Город Петра оказался организмом с ярко выраженной индивидуальностью, обладающим сложной и полной трагизма душой, живущей своей таинственной жизнью. Сокровищница мировой культуры, как часто называют Санкт-Петербург, является культурным центром мирового значения. Этот город – символ общечеловеческой Культуры, несет в себе мощное духовное начало. Искусство, наука, политика, духовные искания в Санкт-Петербурге всегда отличаются особой страстностью, предельным и запредельным ощущением человеческого бытия. Очевидно, решающую роль в этом играет его уникальная культурно-историческая среда, неповторимый ландшафтно-климатически-архитектурный комплекс, соприкасаясь с которым, человек попадает в исключительно напряженное поле духовного поиска и самоопределения.

Замечательной особенностью Санкт-Петербурга является его способность стимулировать поэтическое воображение и творчество. Неповторимое очарование и притягательность одного из красивейших городов мира, его «белых ночей» воспевали поэты и музыканты, высоко ценили знатоки и исследователи истории, зодчества, изобразительного искусства. Симфония в камне его дворцов, площадей, проспектов, набережных, Невы, каналы, ирреальное северное небо, то тусклый, то слепящий косой солнечный свет создают неповторимую поэтическую, духовную среду. Недаром

Санкт-Петербург называют городом муз. Этот город не только воспет в шедеврах великих поэтов (Пушкин, Некрасов, Блок, Рильке, Ахматова, Бродский), но и сам задает поэтические темы, интонации, стилистику. Санкт-Петербург – это поэтика просветленного состояния духа, торжества разума, особой красоты рационального устройства жизни и энергии преобразования, воплощенной идеи имперской столицы, схем властной воли и антигуманного насилия, культуры просвещенной аристократии и особого аристократизма культуры вообще, испытания личности, высшего напряжения сил – интеллектуальных, нравственных, просто человеческих, переживания существования как наваждения, заглядывания в иные миры, поиск и надежда на обретение спасения, отчаяния революционного порыва к лучшей жизни и трагической участи интеллигенции, ее мужества и стоицизма, героической стойкости жителей города в 900–дневной военной блокаде, авангарда, модерна и постмодерна от Серебряного века до современной литературы.

Феномен текста культуры как ценностно-формирующего ресурса заключается в способности к формированию и воспроизводству духовно-нравственных ценностей, быта, традиций, определенной культуры, которые в совокупности образуют ментальность культуры. Таким образом, культура как текст, или персонифицированная субстанция мира как текста, и одной из возможных моделей реальности, способна формировать, т.е. выполнять проектную функцию, по отношению к социальным группам, пользующимся коллективной памятью культуры и тем самым образующим определенную систему доступных смыслов – ментальность.

Феномен петербургской ментальности в отечественной культуре представляет собой совокупность культурных смыслов, определенных духовно-нравственных идеалов, этнокультурных, общественных навыков и стереотипов, исторически сложившихся представлений индивида об окружающем его мире. Ярче всего петербургская ментальность выразилась посредством литературного текста, сформировавшегося в «Петербургский текст русской литературы». Специфика петербургского менталитета кроется в метафизической характеристике культурного и ландшафтного пространства Петербурга. Город, стоящий на болоте, т.е. не имеющий твердой почвы в своем основании и постоянно борющийся с природной водной стихией за свое существование, стал олицетворением особой ментальности, т.е. особого мировосприятия и хранителя особого типа культуры, характеризующегося возвышенными духовными ценностями и нравственными идеалами, изысканностью манер и культурой поведения, идеального вкуса во всех его проявлениях. Духовная ипостась петербургского текста культуры формирует особый тип ментальности, доминантой которого является чувство любви и гордости, за историко-культурное наследие родного города, непоколебимое желание жить и творить в его пределах, преодолевать препятствия различного характера и закаляя дух и волю, на пути к желанию стать лучше.

Ценностно-нормативный потенциал «петербургского текста», как средства формирования городской ментальности, может быть востребован в сегодняшней ситуации. Это предполагает фиксацию современным самосознанием устойчивых в историческом плане доминант, составляющих ценностно-нормативное ядро петербургской городской ментальности, целенаправленное создание социально-культурных форм актуализации и объективации заключенного в стихии «петербургского текста» антропологического типа, включая его морально-нравственные приоритеты бытия, позиционирование в рамках культурной политики через публичные формы общественной жизни города референтных личностей петербургской интеллигенции, персонифицирующих ценностно-нормативное ядро петербургской ментальности и способных стать для горожан образцом самостроительства и самоосуществления.

В заключении сформулированы основные выводы исследования, намечаются проблемы требующие дальнейшего изучения

По теме диссертации автором опубликованы:

1 Программа дисциплины «Краеведение» – СПб СПбГУП, 2003 – 0,5 п л

2 Программа дисциплины «Социально-культурная работа за рубежом» – СПб СПбГУП, 2005. – 0,5 п л.

3 Ефимова Т В Учет петербургской литературной традиции в разработке рекламного текста [Текст] /Ефимова Т В // Реклама и PR в России материалы II Межвузовской научно-практической конференции, 15 февраля 2006 года под общ ред А П Маркова – СПб Изд-во СПбГУП, 2005 – СПб 2005 – С 82–85

4 Ефимова Т В Культура Петербурга как ресурс развития туристской отрасли / [Текст] //Ефимова Т В // Современное состояние и перспективы развития туризма: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 19 апреля 2006 года под общ ред Г.М.Бирженюка – СПб : Изд-во СПбГУП, 2006 – СПб 2006 – С. 33–37.

5. Ефимова Т В Краеведение в контексте культурной глобализации [Текст] //Ефимова Т.В.//Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе: материалы XI Международной научно-методической конференции, 27 октября 2006 года– СПбГУП 2006 – С 98–99

6 Ефимова Т В Мистика Петербурга на страницах русской романтической новеллы XVIII – XIX веков[Интернет-журнал МГУКИ] /Ефимова Т.В // Культура и общество Палитра мнений (Философия культуры) – М МГУКИ, 2006 [www e-culture ru]

7 Ефимова Т В. Город как текстовое пространство культуры // [Текст] /Ефимова Т.В. // Вестник университета: социология и управление персо-

налом, №2 (28) – М Изд-во ГОУВПО Государственный Университет
Управления, 2006 – С 57–63

Подписано в печать 12 04 2007
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб ,2, СПбГУКИ
12 04 2007 Тир 100 Зак 42